

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

*доктор политических наук, профессор,
директор Научно-образовательного центра политических
и этнополитических исследований Пятигорского государственного
университета, Россия, г. Пятигорск;
профессор Хэйлуңцзянского института иностранных языков,
КНР, г. Харбин*

Л.Х. ДЗАХОВА

*доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и общественных наук
Северо-Осетинского государственного университета
им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ*

Р.А. ЧИХТИСОВ

*кандидат социологических наук, доцент
кафедры философии Северо-Осетинского государственного
университета им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ*

КОНЦЕПТ РУССКОСТИ VERSUS КОНЦЕПТ РОССИЙСКОСТИ: ОСМЫСЛЕНИЕ В ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Статья содержит политологическую критическую рефлексию по поводу таких значимых концептов современного российского общественно-политического процесса, как концепт русскости и концепт российскости. Выделяются их политико-правовые детерминанты и свойства в практической эволюции и в контексте современного состояния общества и власти в России с учетом существенных внешних вызовов, а также и внутренних средовых факторов. Формирование, формулирование и применение данных концептов увязывается с политико-управленческой и доктриной руководства РФ на фоне соотношения, сочленения, а также и конкуренции русскости и российскости. С помощью ресурсов понимающей политологии акцентируются возможности этногражданской солидаризации граждан страны на фоне геополитических вызовов и ущербов и действий РФ по упрочению государственного суверенитета. Результирующие идеи

конкретизируют обстоятельства синкретичности русскости и российскости как политических проектов с выделением роли власти и роли общества в оптимизации таковых.

Ключевые слова: *русскость, российскость, гражданская консолидация, политическая нация, «русский мир», русская идея, российская гражданская идентичность, консервативно-охранительная политология, политический метатекст, вертикализация власти, общественный консенсус, внешние вызовы.*

Современное политическое время и политическое пространство в их внутрироссийском и геостратегическом выражении отмечено рельефными новациями, которые предъявляют новые требования к содержанию, структуре, практическим моделям политических систем и политических режимов. Политологическое понимание суверенитета государств и наций существенно расширяется внутри известного и практически неразрешимого противоречия между правом наций на самоопределение и правом государств на сохранение своей территории [19]. В достижении государственного и национального суверенитета все большую роль играет субъективный фактор и *«не величина ВВП и военная мощь, а внешнеполитическое поведение сильных мира сего становится все более важным фактором для поддержания мира на всей планете»* [21. С. 9-10].

Контент общественно-политического процесса зависит от тех идей, которые заложены в основу политического курса государства и общества. Также он зависит от того, насколько своевременно и качественно политическая наука – **понимающая политология** (по аналогии с понимающей социологией в теоретико-методологическом, и в организационно-технологическом смыслах) – откликается на политическую трансформацию, на потребности политического транзита и политической модернизации [22. С. 265-278].

Нарративный банк российской политологии позволяет выделить идейно-содержательные и функционально-деятельностные предпочтения общественно-политического процесса современной России [12. С. 72-84]. Среди данных предпочтений укажем:

- во-первых, на этническую идентификацию как дифференцирующую российское общество;
- во-вторых, на гражданскую идентификацию как интегрирующую российское общество.

Эти идентификации постоянно в качестве группового и индивидуального референдума осуществляют граждане России, принадлежащие к разным народам и этническим группам и одновременно к российской гражданской политической нации. Соотнесение этнической идентификации

и гражданской идентификации – проблемный и противоречивый процесс и в категориально-онтологическом, и в теоретико-гносеологическом, и в практико-прикладном планах. Это обусловлено: общей сложностью феномена идентичности и процесса идентификации, особенно в постмодернистской современности; конкуренцией идентичностей вообще и этнической и гражданской идентичностей; множеством непредсказуемых средовых факторов («черных лебедей»), которые провоцируют дополнительные сложности идентификации и самоопределения индивидов, сообществ, а также и государств.

В развитие авторских тезисов об идентичности поддержим мысль о том, что *«идентичность выступает «организующим понятием», т.е. объединяющим под своим зонтиком целый пласт социальных явлений»*, и что идентичность или идентичности находят свое выражение в политических, национальных доктринах [22. С. 272]. Соответственно, конкуренция выделенных идентичностей имеет общественно-политическое выражение, и, в частности, применительно к российскому процессу может быть образно представлена в соотнесении **русскости** и **российскости**. Их концепты сложились как масштабные межпрофильные, междисциплинарные и весьма востребованные научно-рефлексивные и популярно-эмоциональные комплексы. Их взаимосвязь и взаимопроникновение, а также их конкуренция предоставляют серьезный интерес для современного политического знания.

Концепт русскости в каузальности и свойствах общественно-политической детерминации. Осмысливая общественно-политическое наполнение концепта русскости, легко установить, что его содержание имеет прямые отсылки к русской идее как идеи не только русской истории, культуры, ментальности, но и русской правовой и политической традиции [3. С. 43-271]. Теоретики данной идеи – философы, мыслители-гуманисты, политики – выделили в ее содержании множество объединяющих интенций, а именно: сердечность и нравственность, соборность и коллективность, народность и многонародность [7]. Эти свойства русской идеи привлекательны своей универсальностью, так как они близки не только этническим русским, но и всем россиянам. В концентрированном выражении русская идея сильна за счет включения в ее содержание ценностей и интересов многих народов, что имеет большое значение для стабилизации общественно-политического процесса.

Политологическое понимание **концепта русскости** через русскую идею вполне оправданно. Русская идея, несмотря на выраженный морально-нравственный ценностно-культурный генез, находит свое продолжение в реальных политических и правовых новациях российского общественно-политического процесса, имеет структурно-оформленные программные модели [8. С. 130-140]. Поэтому крайне важны достоверное понимание каузальности и корректные интерпретации русской идеи в политико-управленческом

контексте. Она призвана быть платформой сопряжения, а не противопоставления устремлений этнических сообществ и ни в коей мере не должна использоваться как база пропаганды русского этнического национализма и российских имперских идей, которые вызывают настороженность этнических сообществ, как коренных, так и диаспорных.

Отметим, что в ситуации многих современных рисков, которые наносят ущерб не только экономическому и социальному равновесию российского общества, но также и гражданской консолидации, русская идея находит обновленное проецирование. Оно выражается: во-первых, в понимании смысла существования современной России как наследницы Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Советского Союза [5]; во-вторых, в оптимизации вертикальной и горизонтальной политики федерального центра в отношении субъектов федерации; в-третьих, в сглаживании острых противоречий между социально-стратными группами населения, которые существенно (если не катастрофически) различаются по уровням доходов; в-четвертых, в соединении разнообразных и существенно дифференцированных по многим критериям этнических сообществ.

Актуализация **концепта русскости** в современном общественно-политическом процессе нарастает с 2010-х гг., когда на повестку политики и политологии вышла проблема социальной и политической реинтеграции российского общества. Называя одну из своих статей 2012 г. «Россия: национальный вопрос», В.В. Путин в своей избирательной президентской кампании акцентировал межнациональное и гражданское согласие народов России в границах исторического государства, отрицая саму возможность любого этнонационализма, в том числе, и русского [14]. **Концепт русскости** нашел инициативное развитие в идеях и практиках Всемирного русского народного Собора, проведение которого побудило государство и общество осознать наличие русского вопроса среди многих иных национальных вопросов [25].

Русская идея стала концептуальным основанием такого культурного, общественно-политического и геополитического феномена, как «русский мир» [1. С. 83-91; 2. С. 109-117]. Выражение **концепта русскости** через «русский мир» предназначено как для внутреннего, так и для внешнего потребления. «Русский мир» – «мягкая сила» объединения всех русскоязычных, русско-ориентированных жителей зарубежных стран, выходцев из СССР и их детей – второго и третьего поколений [11]. Стоит подчеркнуть, что симпатии к СССР распространены среди выходцев из страны, эмигрантов, мигрантов разных волн, прежде всего, среднего и «третьего» возраста, жизнь или большая часть жизни прошла в Советском Союзе. Также симпатии к СССР как к форпосту социальной справедливости, коммунистических идеалов были присущи носителям левых революционных взглядов, элите стран социалистического содружества, а также неформальной и радикально

настроенной молодежи стран старой европейской демократии. К «русскому миру» именно как к российскому гражданскому миру могут причислять себя все граждане России, проживающие за рубежом, а также граждане суверенных (чаще всего самопровозглашенных) стран, которые получили российские паспорта в ускоренном режиме и под воздействием незаурядных факторов – конфликты, гражданские войны (Абхазия, Донбасс, Крым, Южная Осетия и др.).

«Русский мир» не имеет четкого, тем более правого определения [9. С. 163-167]. Он предполагает некое культурное пространство, формируемое носителями русского языка и русской культуры. Также он предусматривает участие тех, кто имеет интерес к русской и российской культуре, истории, искусству, литературе и симпатизирует не только русским (в этническом плане), но и россиянам (в гражданском плане) [23. С. 519-618].

«Русский мир» как составляющий *концепта русскости* – мощный фактор противостояния глобализму, попыткам выстроить новую однополярную систему, в которой РФ пребывала бы в роли региональной державы на вторых и третьих ролях. Упрочение *концепта русскости* через «русский мир» не только как культурного пространства, но и как пространства общественно-политического активизма позволяет РФ проецировать свои государственно-гражданские интересы в ближние и дальние пределы. В связи с этим эффективны идеи Президента РФ В. Путина, в которых «русский мир» трактуется как интегративный культурный феномен: «Русский мир является многоконфессиональным и многообразным, как и сама Россия... наша миссия заключается в том, чтобы укреплять его, развивать и делать его привлекательным для наших граждан, для всего мира» [13].

В 2020 г. общественно-политическая проекция *концепта русскости* получила существенные аргументы в Конституции РФ, в которую внесены поправки, декларирующие правовой статус русского языка как языка государствообразующего народа. Конституция РФ в редакции 2020 г. в ст. 68 п.1. не прямо, но опосредованно определяет русский народ как государствообразующий. Нет сомнений, что российская государственность сложилась именно вокруг русского народа как имперско-государственного. Однако Русь не стала бы Российской империей и далее Советским Союзом, и далее Российской Федерацией, если бы в ее состав не вошли бы другие народы с соответствующими территориями. В этом плане вновь подтвердим свой тезис о том, что, на наш взгляд, все народы РФ являются государствообразующими, так как каждый из них внес пропорциональный вклад в государственное строительство и формирование российской гражданской нации.

Современные проекции *концепта русскости* осуществляется в крайне неблагоприятных условиях, которые определяются обострением мировой политической, экономической и социальной конъюнктуры. Действия США

и многих стран в отношении России с марта 2014 г. (признание независимости Республики Крым) и с февраля 2022 г. (признание независимости Луганской и Донецкой народных республик и начало специальной военной операции на территории Украины) нацелены на уничтожение потенциала русской идеи не только как идеи культурного гуманистического содержания, но и как идеи политического и геополитического наполнения [20].

В отношении России, всего российского и всего русского действует беспрецедентная «культура отмены», а также формируются плацдармы «анти-России» – информационно-идеологического давления на РФ [10. С. 84-93]. Законы о декоммунизации, запреты на празднование Дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и на ношение георгиевской ленты, запрещение российских телеканалов и сайтов, наказание за одобрение российской политики, российской культуры и за публичное использование символов специальной военной операции РФ – все эти технологии зарубежных политиков направлены в обобщенном смысле на редуцирование русской идеи и «русского мира», *концепта русскости*.

Ухудшение положения, статуса и социального самочувствия русского населения в новых независимых государствах (странах СНГ и иных) после распада СССР как населения «второго сорта» и некоренного нежелательного «гостя» отмечалось практически повсеместно. Как мы видим, усилия политической элиты самостийной Украины по дискриминации русских привели к негативным следствиям для самой Украины. Это: суверенизация и выход Крыма, и вхождение его в состав РФ, самопровозглашение Луганской и Донецкой народных республик, специальная военная операция РФ на территории страны и катастрофическое разбалансирование государственно-управленческой, политической и гражданско-организационной инфраструктуры с весьма неопределенными перспективами.

Одним из глобальных следствий стало акцентирование *концепта русскости* как политической силы и геополитической мощи. С 2014 г. русское национальное самосознание как этноидентификационное отмечено существенным оживлением и далее – после 24 февраля 2022 г. – существенной интенсификацией. В этом ракурсе вернемся к популярной терминологии 90-х гг. XX в., а именно к термину *этнический Ренессанс*, который в частных случаях обусловил не только позитивизацию, но и негативизацию этнической идентификации (этнические конфликты, противоречия, распады социумов, потери населения). Сегодня мы можем говорить о *русском этническом Ренессансе*, который спровоцирован не только националистическим курсом руководства Украины в отношении русского населения, но и последующей изоляционистской дискриминационной политикой стран НАТО и их сторонников в отношении России и лидера страны – Президента РФ. Упрочение *русского этнического Ренессанса* выражается не только в таких убедительных образах, как «русский воин», «русский боец», «мужество

русских солдат», но и в таких образах, как «русская армия», «русский танк», «русский корабль», «русский беспилотник» и др. Данные образы имеют высокий ценз эмоциональности и пропагандистской значимости, тем более, что они мультиплицируются на многих информационных ресурсах и имеют масштабный отзвук.

В то же время очевидно, что они вовсе не «этнически русские», а принадлежат к Вооруженным силам России, и что на Украине осуществляет специальную военную операцию отнюдь не русская, а Российская армия, Вооруженные силы РФ, которым многонациональный российский народ препоручил защиту Отечества и каждого его гражданина. В связи с этим укажем, что многочисленные и весьма действенные аллюзии к победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., используемые в информационном, экспертном и общественном дискурсе в соотнесении с проведением специальной военной операции на Украине, как ни странно, далеко не всегда содержат констатацию роли победителя – именно советского многонационального народа. Тем не менее, ясно, что не только русский народ, а все народы РФ как субъекты российской гражданской нации прямо заинтересованы в достижении справедливого миропорядка, равноценной безопасности, а также в упрочении суверенитета России как многонационального государства.

Концепт российскости в идейно-политических и идейно-организационных проекциях. *Концепт российскости* является не менее детерминированным всей российской историей и российским общественно-политическим процессом, чем *концепт русскости*. Российскость лежит в основе национальной идея России и российской гражданской идентичности, содержание которых остаются дискуссионными. Здесь отметим тезисы Президента РФ В. Путина из статьи «Россия на пороге нового тысячелетия» 1999 г., которые сегодня предполагают новое прочтение. Речь идет о российской идее, собственно, о *российскости*, об отсутствии государственной, официальной идеологии в любой форме и о неприемлемости принудительного гражданского согласия, которое может быть только добровольным. Программатика российской идеи – концепта российскости – предусматривает, что «*наднациональные, общечеловеческие ценности, возвышаются над социальными, групповыми, этническими интересами*» и включает патриотизм, державность, государственничество, социальную солидарность, а также «*сильную государственную власть в России как демократического, правового, дееспособного федеративного государства*» [17].

Современные события тяжкого геополитического состава, глобальное обострение отношений РФ с США, странами Запада и иными государствами мотивируют к новому осмыслению и к новому мотивированию *концепта российскости*. Для оппонентов России негативным непредвиденным фактом стала социальная и политическая солидаризация российского общества

вокруг военно-политической доктрины Президента РФ В. Путина в границах идейно-идеологического и организационно-политического **концепта российскости**. Этот концепт, на наш взгляд, органично включен во внешнеполитическую доктрину РФ [4. С. 8-26].

Обращаясь к многочисленным и весьма впечатляющим научным опусам, отметим, что в них выделяются категориальные цивилизационные, историко-культурные основы **концепта российскости**, прежде всего через осмысление российской гражданской идентичности [15]. Это обосновано с учетом обращения политологов к детерминантам современной российской государственности, российской политичности и российской социальности. Апелляции к историко-политическим паттернам и политико-историческим сюжетам типичны для современного общественно-политического политико-управленческого дискурса **концепта российскости**, что подтверждается статьей Президента РФ В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» (2021 г.) [16].

Вникая в сущность и структуру **концепта российскости**, мы склонны выделять его общественно-политические детерминанты, а именно: принципы функционирования власти, мотивы левой активности, аргументы правового консерватизма, модели отношения государства и общества, возможности и пределы применения государственной воли и государственного насилия. Данные детерминанты имеют компенсаторно-технологические проекции, уместные во внутри- и внешнеполитических потребностях. Осознание и трансляция **концепта российскости** важны для: а) консолидации российского общества; б) оптимизации отношений государства и граждан; в) повышения уровня лояльности населения к власти; д) форматизации публичной политики в рамках суверенной российской демократии; е) признания современных внешнеполитических мероприятий РФ.

В идейно-мировоззренческом плане **концепт российскости** устойчив в силу гуманизма, всечеловечности (что идет от **русской идеи** и **концепта русскости**) и интегративных российских ценностей, олицетворенных в транснациональных кроскультурных, творческих, языковых, литературных, художественных образах. В то же время **российскость как концепт** перспективна в силу политико-правового институирования со всеми соответствующими элементами. В основе **концепта российскости** лежат политико-программные идеи, близкие и понятные российскому народу – патриотизм, гражданственность, народность, социальность, а также готовность к ограничениям во имя интересов государства, так как патриотизм и гражданственность россиян имеют, прежде всего, государственный характер. Притом, что в Конституции РФ зафиксировано отсутствие обязательной государственной идеологии именно государственническая министералитетная идеология является определяющей общественной идеологией. Большинство российских граждан даже при недовольстве действиями

власти отождествляют в своем восприятии родину, государство и власть и поддерживают персонификацию последней, что, впрочем, не изымает из политологической теории и политической практики проблему упрочения российской гражданской идентичности и транспарентного осмысления **концепта российскости**.

Категоризация **концепта российскости** осуществляется параллельно со становлением российской гражданской нации в условиях эволюции российской демократической политической системы в ее суверенной российской модели. Соответственно, пополняется существенный банк политологических исследований, которые посвящены **концепту российскости** в теоретико-методологическом, сущностно-категориальном, идейно-мировоззренческом, нормативно-правовом, программно-организационном и практико-технологическом аспектах.

Политологические ресурсы в развитии концепта русскости и концепта российскости. Дискуссии по поводу перспектив соотнесения **русскости** и **российскости** в пределах идентичности российской гражданской и политической нации весьма обоснованы. Они отражены во многих экспертных оценках современного национально-государственного строительства, которое наследует как активы, так и откровенно «детские слабости» и «наивные увлеченности» политической элиты. Эволюция России следовала идеям имперскости, мировой социалистической революции, коммунизма как неизбежного будущего человечества, «социализма с человеческим лицом», перестройки, политического демократического транзита и демократизации.

Среди оснований историко-культурного, общественно-политического синкретизма **российскости** и **русскости** российского общества политическая и этнополитическая наука высвечивает разнообразный этнический портрет населения и в то же время функциональную полиэтничность российской гражданской нации. Многонациональность народа РФ (российской нации) зафиксирована в преамбуле Конституции РФ, в ряде ее статей. Она подтверждена в наборе объясняющих и уточняющих поправок в Основной закон страны 2020 г., которые нацелены на достижение этноязыкового, этнокультурного и в то же время гражданского комфорта граждан.

Сделаем наблюдение, что российская политическая наука в последнее десятилетие в отличие от начального этапа своего становления не столько накладывает на бытие свои схемы и не столько предлагает государству и обществу технологические алгоритмы развития, сколько констатирует бытие. Это относится и к дальнейшему категориальному, экспертному и проективному оформлению **концепта русскости** и **концепта российскости**, разработка и распространение которых как культурной и политической проекции состоялось с помощью многих организационных, технологических усилия власти, СМИ, экспертов, общественных организаций и др.

Понимая рациональные и эмоциональные детерминанты **русского этнического Ренессанса**, и в то же время, признавая общественно-политическое элевирование российской гражданской идентичности, выскажем сомнения в том, что **концепт русскости** однозначно равен **концепту российскости** при их очевидной связи и содержательно-смысловой конвергенции.

Проводя аналитику в отношении этих концептов, усилим ресурсы понимающей **политологии**, которые уникальны и которые предоставляют большие аналитические возможности. Помимо исследования фактов, реалий, тенденций, закономерностей, а также политического метатекста и политического нарратива, действующий политолог использует включенное наблюдение и непосредственное и опосредованное личное участие в общественно-политическом процессе. Применение политологической интуиции и способности к политическому предвидению позволяет рассматривать **концепт русскости** и **концепт российскости** в горизонтах **консервативно-охранительной политологии**. Политическая наука в современной РФ все больше базируется на традиционной методологии, вырабатывает все более консервативные объяснения действительности, предлагает все более сдержанные (оптимальные, инерционные, консервирующие) прогнозы. Так она отражает стремление политической элиты страны к стабилизации, охране, инерциализации и канализации проблем и откликается на внутренние проблемы и противоречия, а также и на реальные угрозы со стороны субъектов международных отношений.

Современным геополитическим катастрофизмам противостоят политические (теоретические и эмпирические) модели нового трайбализма, новой общинности – кооперативности, нового коллективизма – коммуналистичности, а также и нового уровня сплочения общества и власти, потребность в которых актуализирована турбулентностями и энтропиями современности – террористическими угрозами, гибридными войнами, конфликтами, угрозами применения оружия массового поражения.

В связи с отмеченным выше, выведем на авансцену исследовательского поиска проблему дихотомии **русский как этнический – российский как гражданский**. Она содержит явное противоречие, часто сглаживаемые и в жизненной, и в политико-управленческой практике: «... в сложной по составу населения России существуют две основные, не исключające друг друга формы самосознания, – по стране и по своей этнической принадлежности: я и русский, и россиянин» [6]. Тем не менее, противоречия и согласия внутри этой дихотомии рельефно видны на «всех трех картах – географической, этнической, политико-административной» [24].

Являясь страной провинций, страной регионов, Россия как субъект международного права на протяжении своей истории присоединяет, завоевывает, возвращает себе территории. История организации российской власти и управления свидетельствует о том, что имперская политико-властная

и политико-управленческая монополизация власти допускала ее дифференциацию по регионам. Широко применялись не только военно-политическое давление и подавление, но и присоединения, добровольные вхождения, компромиссы и договоры, пакты, в результате чего границы Российской империи, СССР и РФ менялись и меняются.

Геополитическая подвижность территорий и границ сопровождалась сменой, пополнением, убыванием, перемещением, миграциями, переселениями населения, прибыванием новых этнических групп. Они – носители разных культур, менталитетов, стилей жизни – включались в коэволюционный гражданский процесс и усиливали синкретичность равно как *русскости*, так и *российскости*. Формирование новых социальных и политических конгломератов – подданных Российской империи, граждан многонационального советского народа СССР, членов многонационального русского народа (русской нации) РФ проходило и проходит с успехами и противоречиями, которые регулировались центральной властью, легитимной и признаваемой большинством населения, в направлении согласования *русскости* и *российскости*.

Решающей политической технологией этого согласования всегда была централизация власти, которая обеспечивала синкретизацию идентификационных стратегий и тактик. Централизация власти сегодня пролонгируется в усилении присутствия федерального центра в регионах, в нейтрализации оппонирующих региональных политических режимов, в высокой лояльности региональных политических элит, в персонифицировании ответственности политического класса перед главой государства.

В тоже время централизация власти смещает в арьергард общественной практики технологии публичной политики, гражданского активизма, создает писанные и неписанные рамки гражданской и политической самоорганизации и правила демонстрации лояльности власти. Дальнейшая вертикализация и персонификация власти ставят под сомнения возможности самопочинного общественного консенсуса, демократии согласия как гражданско-политической доктрины.

Сегодня, как свидетельствуют реалии общественно-политического процесса, а также обобщения политологического исследовательского поиска, актуальным остается вопрос о том, нужно ли гражданам *«держатъ государство на своих плечах или держатъ государство в руках»* [18. С. 83-95].

Резюмирующие соображения. Как показывает не только российская, но и мировая политическая практика, этно-идентификационный акционизм и гражданско-идентификационный акционизм равно используются в государственном строительстве, нацииобразовании, достижении государственного, территориального, культурного суверенитета.

В структуре *русскости* и *российскости* присутствует множество общественно-политических сегментов. С одной стороны, сочленение *русскости*

и **российскости**, не требует доказательств в силу аксиоматической причинности, подтвержденной общественно-политической практикой и творчеством российской гражданской нации. С другой стороны, сопряжение **русскости** и **российскости** требует поиска и применения стратегических, тактических, операциональных технологий оптимизации, особенно с учетом современных ущербов, которые испытывают на прочность, государственно-ориентированную солидарность россиян.

Тренд развития российской политологии в осмыслении **концепта русскости** и **концепта российскости** в большой степени соответствует тренду развития общественно-политического процесса РФ. Также отметим, что ресурсы понимающей политологии в интерпретациях **русскости** и **российскости** существенно коррелируются в связи с позицией фронтоменов политического класса и, собственно, с позицией главы государства. Это закономерно, так как идейная убежденность и политическая программа персоналий правящей элиты в отношении **русскости** и **российскости** являются самостоятельно значимым сегментом предмета критической политологической научной рефлексии. В этой связи политический анализ позволяет рассматривать **русскость** и **российскость** не только как идейно-идеологические концепты, но и как общественно-политические проекты целевой доктринально-управленческой направленности.

С учетом выделенных вводных и результирующих соображений структурно-содержательная синкретичность **русскости** и **российскости** увязывается нами с несколькими обстоятельствами. Первое – стремление России как субъекта международного пространства к расширению территорий, включению народов и наращиванию геостратегического влияния. Второе – устройство Российского государства как федерации с широким использованием национально-государственного и национально-территориального самоопределения и вертикально-горизонтальным территориальным распределением власти. Третье – полиэтничность и поликультурность российской нации как сложившиеся реалии с популярным применением национально-культурного экстерриториального самоопределения. Четвертое – сплоченность и патриотизм российских граждан в отстаивании интересов государства как высшего и универсального достояния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // Вестник Национального института бизнеса. М.: Национальный институт бизнеса, 2008. Вып. 6.
2. Батанова О.Н. Русский мир // Международная жизнь. М., 2008. № 11.

3. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.

4. Богатуров А., Лебедева О., Бобров А. Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2.

5. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: СТД, 2016.

6. Зорин В.Ю. «Слово «россиянин» не исключает нашу этническую принадлежность» // <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/vladimiromzorinim-23246.html>.

7. Ильин И. Путь к очевидности. М.: Даръ, 2017.

8. Кочеров С.Н. Русская идея как предмет философского анализа: к вопросу о необходимости философии идей // Credo New. 2010. № 1.

9. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 5 (1).

10. Пейчева А. Информационные операции НАТО и их влияние на современную международную охрану // Мировая экономика и обратные отношения. 2022. Т. 2. № 4.

11. Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. М.: Московский Фонд «Россияне», 2003.

12. Порошков М.М. Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики // Социодинамика. 2022. № 4.

13. Путин призвал развивать и укреплять русский мир // Ведомости. 6 февраля 2022.

14. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012.

15. Путин В.В. Об укреплении общероссийской гражданской идентичности // https://www.1tv.ru/news/2021-03-30/404016-ob_ukreplenii_obscherossiyskoy_grazhdanskoy_identichnosti_govoril_prezident_na_sovete_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam/.

16. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. Президент России. 12 июля 2021 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

17. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30 декабря 1999.

18. Ремизов М.В. Государство в поисках нации: «русские» или «россияне» // Вестник экспертного центра. Всемирный русский народный собор. 2016. № 1.

19. Суверенитет государства в современном мире. Актуальные проблемы научного и общественно-политического дискурса. Сб. статей. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018.

20. Тимофеев И.Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3.

21. Тренин Д. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.

22. Тимофеев И.Н. Понимающая социология внешней политики: «агентная» модель поведения государства на международной арене // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2.

23. Тишков В.А. Русский мир // Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2013.

24. Тишков В.А. Три карты. Доклад на пленарном заседании 8 конгресса российских этнографов и антропологов, г. Оренбург, 2-5 июля 2009 г. // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/vatishkov_.html.

25. Тимаков В., Рудаков А. Русская программа. Формула и цель нашей цивилизации. Тула: Аквариус, 2015.

M.A. ASTVATSATUROVA

*Doctor of Political Sciences, Professor
Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Harbin, People's Republic of China; Professor,
Director of the Scientific and Educational Center for Political
and Ethnopolitical Research of the Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia*

L.KH. DZAKHOVA

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Social Sciences
of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia*

R.A. CHIKHTISOV

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy of the North Ossetian State
University K.L. Khetagurova,
Vladikavkaz, Russia*

THE CONCEPT OF RUSSIANNES: INTERPRETATION BY THE APPROACH OF RUSSIAN INTERPRETIVE POLITICAL SCIENCE

The article contains a political science critical reflection on such significant concepts of the modern Russian socio-political process as the concept of Russianness and the concept of Russianity. Their political and legal determinants and properties are distinguished in practical evolution and in the context of the current state of society and power in Russia, in view of significant external challenges and internal environmental factors. The formation, formulation and application of these concepts is linked with the political and administrative doctrine of the governance of the Russian Federation against the background of Russianness and Russianity, correlation, articulation and competition. The possibilities of ethno-civil solidarization of the country's citizens against the background of geopolitical challenges and damages and the actions of the Russian Federation to strengthen state sovereignty are emphasized with the help of understanding political science resources. The resultant ideas concretize the circumstances of the syncretism of Russianness and Russianity as political projects, highlighting the role of power and the role of society in optimizing them.

Key words: *Russianness, Russianity, civic consolidation, political nation, “Russian world”, Russian idea, Russian civic identity, conservative political science, political metatext, verticalization of power, public consensus, external challenges.*